

«ТАЙНА СΙΑ
ВЕЛИКА...»

**Сойту
Оксана
Сергеевна** —
стажер-исследова-
тель Центра моло-
дежных исследова-
ний НИУ «Высшая
школа экономики»,
Санкт-Петербург.
В журнале «Чело-
век» публикуется
впервые. E-mail:
o.soytu@yandex.ru

Автор выражает
искреннюю бла-
годарность за
помощь коллег
из научно-учеб-
ной группы «Со-
циальные иссле-
дования тела»
Центра молодеж-
ных исследова-
ний НИУ ВШЭ —
Санкт-Петербург
Я.Н. Крупец,
Е.Л. Омельченко
и Н.А. Нартовой.

172

КОНСТРУИРОВАНИЕ ВОЗРАСТА ХРОНОЛОГИЧЕСКИ МОЛОДЫМИ И ПОЖИЛЫМИ ЖЕНЩИНАМИ

© 2016

О.С. Сойту

В современном обществе идентичность человека испытывает давление со стороны приписываемых коннотаций, требований и долженствований, предъявляемых хронологическому возрасту. Вместе с тем в условиях общества позднего модерна возрастные границы размываются, возрастные субординации смягчаются, появляется свобода выбора жизненных курсов [10] и множественной идентичности [1]. Формирование самоидентичности становится рефлексивным проектом индивидуума, это требование современности, в которой нет четких прописанных сценариев жизни для самоопределения. Ответственность и право выбора накладываются на человека [11], который является, с одной стороны, объектом воздействия социально-ролевых ожиданий, а с другой — субъектом, способным действовать, выбирать и конструировать свою многоликую идентичность.

Наряду с этим, человек испытывает влияние доминирующего дискурса — «культы молодости» [9], обратной стороной которого становится эйджизм [2]. Двойные стандарты старения для мужчин и женщин усугубляют положение женщин в обществе, они оказываются в неравной борьбе за свою молодость. Молодое здоровое тело — это и идеал красоты [4], и культурный капитал, который можно инвестировать в социальные связи или статусы [3]. Ценностью представляется также быть «молодыми» в повседневности, вести активный образ жизни.

Методологически важный момент нашего исследования состоит в том, что помимо хронологического возраста есть конструируемый, который мы создаем. Этот процесс происходит повседневно на нескольких уровнях: индивидуальном, групповом и институциональном. Иными словами, возраст «создается» и достигается благодаря каждодневным усилиям. При этом в обществе сохраняются определенные возрастные регламентации, представления о должном и недолжном возрастном поведении.

Несмотря на изменение социального порядка, возрастные субординации остаются по-прежнему значимыми, и более того,

усиливаются регламентации социальных ролей, зависимые от хронологического возраста. Обозримый горизонт (ориентир) становится мерой жизненного времени, что обеспечивает безопасность и предсказуемость [13]. Границы возрастных этапов и рамки возрастных идентичностей, создаваясь институционально, присутствуют в качестве значимых маркеров, предписывающих меру соответствия. Жесткие структурные ограничения на жизненном пути индивида по-прежнему существуют. Это институциональные барьеры (семейные, трудовые и т.д.), государственное вмешательство (законодательная регламентация) и кортные условия.

Молодости предписываются и ролевые транзисии (“транзисии событий”) [12], под которыми понимаются изменения, происходящие на жизненном пути человека. Ролевые транзисии апеллируют к смене деятельности человека: окончание образования, начало работы, самостоятельное проживание (переезд от родителей), замужество и родительство. Таким образом, взросление мыслится как постепенное приобретение статусно-ролевых характеристик. Причинами для пересмотра возрастной идентичности в старости являются достижение пенсионного возраста, прекращение трудовой деятельности [6], а также приобретение статуса бабушки/дедушки [7].

Очевидно, что структурные предписания не учитывают индивидуальный опыт взросления и старения. Поэтому в концепции индивидуалистских транзисий [8] акцент делается на таких когнитивных характеристиках человека, как независимость и равенство, относящихся к физическим, поведенческим и материальным возможностям человека. Соответственно, в свете этой концепции взросление происходит по мере развития личностных характеристик.

В старости равным образом значимыми представляются тело и практики заботы и контроля. В рамках интерсекционального подхода подчеркивается значимость тела в старении. Самочувствием и внешним видом пожилых женщин обуславливается переход к третьему — 50–75 лет и четвертому — 75+ возрасту [14]. К индивидуальным особенностям пожилых можно отнести вынужденные обстоятельства — зависимость и потребность в заботе и контроле. Отношения, основанные на вынужденной зависимости, нередко реализуются под маской “любящей заботы”, что провоцирует инфантильное поведение того, кто становится ее объектом.

Проанализируем интервью с хронологически молодыми и пожилыми женщинами из коллективного проекта¹, а также личного проекта автора в рамках исследования возрастной идентичности петербурженок пожилого возраста, проведенного в 2014 году. Целевая выборка коллективного проекта осуществлялась по следующим критериям: пол, возраст, место проживания и образовательный и/или профессиональный статус. В соответствии с этими параметрами были отобраны девушки и мо-

О. Соÿту
Конструирование
возраста
хронологически
молодыми
и пожилыми
женщинами

¹ Проект НУГ “Социальные исследования тела: “Возраст в работе”: конструирование возраста девушками и молодыми женщинами” (№14-05-0054), выполненного при поддержке Программы “Научный фонд НИУ ВШЭ” в 2014/2015гг.

«ТАЙНА СЯ ВЕЛИКА...»

лодые женщины среднего класса, проживающие в Санкт-Петербурге. Основанием для отнесения к среднему классу служил образовательный и профессиональный статус².

В рамках второго исследования также использовалась целевая выборка, критериями которой были: пол, возраст, место проживания, занятость, наличие семьи, классовая самоидентификация. Были отобраны женщины 75–85 лет, проживающие в Санкт-Петербурге. При отборе информанток учитывалась также классовая составляющая, которая выстраивалась из их самоидентификации со средним классом или оценки своего дохода как достаточного для проживания и обеспечения досуга (походы в театр, филармонию, кафе и рестораны). Важным представлялось наличие семьи (детей, внуков), которые осуществляли моральную и материальную поддержку пожилых женщин.

Сопоставление жизненных путей хронологически молодых и пожилых женщин позволяет понять, как женщины разных возрастов, испытывающие давление доминирующего дискурса в отношении проживаемых ими этапов и приписанных им институциональных, индивидуальных (физических, психологических и др.) и символических характеристик, ощущают свой возраст, какую роль в производстве ими возраста в рамках их индивидуальных биографий играют структурные ограничения.

В нарративах девушек 15–20 лет текущий возрастной этап естественным образом описывается в категориях “юность”, “молодость”, “переходный период”:

“Я, бывает, бегу по улице, смеюсь или пою громко песни. Я считаю, когда человек 18-ти лет 17-ти плюс минус год — это нормально и допустимо. Даже мне кажется, что молодость должна быть вот такой, я так считаю” (18 лет).

Однако девушки 15–20 лет воспринимают свой нынешний возраст и как в той или иной степени уже достигшую “взрослость”: “я более-менее взрослая” (17 лет). Сегодняшний возраст кажется им более осозанным, серьезным, чем предыдущий возрастной этап.

“Молодая взрослость. Мне нравится то, что сейчас со мной происходит. Я а-а ещё не такая... как сказать, закалённая, ну, я на всё смотрю по-новому, вот” (20 лет).

Обретение взрослости и независимости становится для девушек своего рода целью на этом отрезке их жизненного пути, желаемой идентификацией относительно будущего. Взрослость мыслится как освобождение от зависимости и контроля, обретение автономности.

Стремление к “независимой взрослости” обусловлено, с одной стороны, тем, что это идеализированный образ, который связан со свободой, отсутствием зависимости и ориентирован на экономически активного и эффективного человека. С другой стороны, к этому образу “подтягивают” молодых для нормализации их поведения, воспитания у них ответственности и для

² В возрасте 15–20 лет учитывалась престижность и специализация учебного заведения, а в возрасте 30–35 лет — профессиональный статус.

О. Со́йту
 Конструирование
 возраста
 хронологически
 молодыми
 и пожилыми
 женщинами

ситуативного манипулирования — другими словами, формируют ролевые ожидания.

“У меня по ощущениям было всегда, что я взрослая. Нам даже в детском саду говорили: “вы уже взрослые, вы в старшей группе”” (17 лет).

Отчасти такая идентификация может быть связана с институциональными изменениями, присущими данному возрастному этапу: появление партнера, переход в другой класс/школу, окончание школы, поступление в университет, появление первой работы и т.д. Новые статусы и пространства дают возможность большей автономности от родительского контроля.

Молодые девушки достаточно рефлексивно подходят к определению своего положения в рамках текущего периода. Несмотря на понимание структурных ограничений (невозможность полной самостоятельности, в том числе финансовой, зависимость от родителей, учителей и даже сверстников, отсутствие в большинстве случаев возможности жить отдельно и др.), они, с одной стороны, отмечают рост индивидуальной и повседневной свободы в сравнении с предыдущим этапом, а с другой — всячески пытаются ее завоевать и повысить собственную субъектность (возможность принимать решение).

На уровне тела развитие субъектности девушек 15–20 лет выражается в освоении новых компетенций, связанных с уходом, телесными практиками и экспериментами с внешностью. Тело становится пространством, на котором они выражают представления о своем или желаемом возрасте.

“Мне кажется, у всех так бывает, когда дорвались и хочется все сразу на себя нанести, кажется, что ты будешь красивее с этим выглядеть, тени, все поярче, сильнее” (15 лет).

Постепенно взросление сопровождается сокращением экспериментов с внешностью, в 17–20 лет предпочтение отдается

«ТАЙНА СЯ ВЕЛИКА...»

более сдержанному облику. Макияж и телесные манипуляции перестают быть средством обратить на себя внимание, становятся инструментом, помогающим создать культурно одобряемый образ. Наблюдается рост значения ролевых ожиданий, которые задают определенные репертуары разыгрывания возраста, легитимные в рамках референтной для молодых девушек группе. Вместе с тем с освоением “нужных” навыков у девушки появляется уверенность в “правильности” делания возраста, что также позволяет чувствовать себя более свободно и усилить свою способность быть субъектом.

“Если раньше косметика была средством сделать себя ярче, то сейчас это средство, чтобы убрать недостатки, достоинства подчеркнуть” (20 лет).

В “молодой взрослости” легитимным, с одной стороны, являются несдержанное поведение, повышенная эмоциональность, “дурачество”. При этом наблюдается некая сознательная инфантилизация себя и своего возраста для оправдания необдуманных поступков, зависимости от родителей и поведенческой вседозволенности. С другой стороны, такое поведение рассматривается как ненадлежащее для более старшего возраста, что приводит к осознанию “временности” соответствующих опытов и экспериментов и постепенное сведение их на нет.

В нарративах женщин 30–35 лет текущий возрастной этап описывается в категориях “взрослость”, “взрослая молодость”, “заканчивающаяся молодость”, “зрелость”. При этом “молодость” наделяется разными смысловыми значениями. С одной стороны, молодость представляется периодом вседозволенности и внутренней свободы и в то же время более осмысленным периодом по сравнению с предыдущими, связанным с обретением большей автономности и свободы принятия решений. Это, по их словам, “взрослая молодость”.

Женщины 30–35 лет позитивно воспринимают свой возраст, для них “взрослая молодость” конструируется как “лучшая” половина пути, период высокой удовлетворенности, что связывается ими с обретением автономности и нового статуса “взрослого”. Для этого этапа характерны вполне отчетливое определение себя в системе жизненных координат, понимание своих интересов, склонностей, возможностей, желаний, целей, способностей. Они профессионализируются, находят единомышленников. Яснее осознаются и инструменты для реализации себя.

“С каждым годом я понимаю, что я становлюсь лучше. И каждый раз, находясь на текущей точке, я понимаю, что это мой золотой период” (31 год).

Во “взрослой молодости” способность действовать развита гораздо больше, чем в предыдущей возрастной группе. Она, можно сказать, “находится в расцвете”, при этом по-прежнему проявляется в теле и телесных навыках. Более того, тело становится одной из форм культурного капитала, в который инвестированы достаточные средства (экономические и неэкономические).

кие) [3]. Женщины характеризуют свое тело как находящееся в расцвете женственности, красоты и сексуальности. Телесная привлекательность оказывается источником новых социальных связей и отношений, а также средством достижения желаемых позиций в обществе и инструментом манипуляции. Другими словами, происходит конвертация тела как культурного капитала в другие формы капитала.

Однако возрастные изменения (морщины, седые волосы, прибавление в весе, целлюлит) превращает тело в объект, требующий постоянных инвестиций, поэтому ежедневная работа по “деланию своего возраста” женщин 30–35 лет в том числе направлена на сохранение и продление “телесной молодости”. По мнению исследователей, «тело превращается в рефлексивный проект, требующий постоянного наблюдения и коррекции в соответствии с новыми стандартами, производимыми масс-медиа в форме дискурса “одержимости собственным телом”» [5, с. 4].

“Заметила, что пошли изменения, чувствуется, что уже возрастные изменения пошли, и в связи с этим изменила немного уход, чтобы не превратиться в бульдожку раньше времени...наверно, лет через 5, я вполне осознанно пойду на какую-нибудь антивозрастную процедуру” (32 года).

Способность к самостоятельному действию достигает в данной возрастной группе гораздо более высокого уровня в сравнении с 15–20-летними. Молодые женщины описывают свое поведение как более осознанное, серьезное, ответственное и независимое. Автономность выражается в возможности повышения уровня и качества жизни путем смены работы, получения дополнительного образования, возможности путешествий, покупки недвижимости, замужества, деторождения и т.д.

“Когда за плечами есть, но при этом понимаешь, что еще вся жизнь впереди, по большому счету больше всяких возможностей, и можешь и профессию сменить, пойти обучиться, можешь еще детей родить, в общем, это очень хороший период” (29 лет).

Конструируя свой возраст, молодые женщины выстраивают поведение согласно их представлениям о достигнутом статусе “взрослого” и ролевыми ожиданиями, предъявляемыми данному статусу. Это может проявляться в самоконтроле тех, кто имеет детей, а также женщин с высоким профессиональным статусом. Они полагают, что вынуждены быть примером для других, что их мнение становится крайне значимым для корректировки поведения в соответствии с возрастом.

Таким образом, во “взрослой молодости”, с одной стороны, субъектность достигает своего расцвета и проявляется в высокой автономности женщин, их свободе и уверенности в своем теле. С другой стороны, ролевые ожидания продолжают нормализовать поведение, а достигнутая “взрослость” дисциплинирует и требует возрастного соответствия. Тем не менее 15–20-летние девушки стремятся к взрослости, которая ассоциируется у них с автономностью, обретение которой представляется им своего

«ТАЙНА СЯ ВЕЛИКА...»

рода целью. Во “взрослой молодости” акцент женщинами 30–35 лет делается на взрослости, но уже как на том, что характерно для статуса взрослого человека. В то же время этот период воспринимается как молодость, но уже недостаточно “молодая” относительно предыдущего периода.

В нарративах женщин 75–85 лет текущий возрастной этап описывался в следующих категориях: “старость”, “пожилой возраст”, “ближе к старости”, “это старение уже”, “доживание”, “неповоротливый такой возраст”, “пенсионный период”, “старички”, “пенсионерки” и “бабушки”.

“Я старая! Я чувствую себя... Да нет, наверное, не на свой возраст чувствую, это так эмоционально я себя чувствую, а так конечно, я уже не очень поворотливая как раньше” (82 года).

Женщины этого возраста отмечали, что на этом данном этапе происходит принятие обстоятельств и приспособление к новым условиям жизни. Ролевые ожидания и структурные ограничения превосходят их субъектность. Оказываясь, в частности, исключенными из сферы труда, пожилые женщины нередко испытывают не востребованность и исключенность из прежних социальных отношений, однако пытаются противостоять сложившимся условиям. В семейной сфере они репрезентируют себя в качестве носителей культурного капитала (накопленных знаний и опыта), который можно обменивать на внимание, интерес, заботу, а также инвестировать в отношения с детьми и внуками. Если же процесс обмена затруднен, профессиональная не востребованность закрепляется не востребованностью семейной, что ускоряет старение и приближает транзицию к “беспомощной старости”.

“Не востребованность, безусловно, влияет на старение. Вот отсутствие нормального общения по жизни, не просто “здравствуй бабушка, как ты себя чувствуешь, вот тебе пирожное” и пошли по своим делам... когда человек ощущает свою не востребованность, это очень травмирует. И это, безусловно, приводит к тому, что человек замыкается в себе, в четырех стенах, становится все менее подвижным, и умственная деятельность, и познавательная как-то ослабляются и как-то постепенно это все накапливается. Вместо того, чтобы нормальный какой-то обмен был, это накапливается” (82 года).

Наряду с этим, женщины 75–85 лет описывают свой возрастной этап как период телесных ограничений, причем акцент в восприятии тела смещается: важно не то, как оно выглядит, а как оно себя чувствует. Производство возраста выстраивается на поддержании своего здоровья и нормализации самочувствия. К старости у людей, как правило, “богатый” телесный опыт, связанный с хроническими заболеваниями и пережитыми ситуациями, они нуждаются в постоянном медикаментозном контроле и корректировке образа жизни.

“Болит у меня еще коленка и вообще спина, потому что возраст такой, когда уже износились позвонки. Я поддерживаю себя лекарствами” (85 лет).

Таким образом, женщины 75–85 лет вынуждены подстраиваться под условия и обстоятельства повседневной жизни. Их поведение направлено на поддержание здоровья, продление текущего возрастного периода, отдаление “беспомощной старости” без права на самостоятельность, а также на то, чтобы не быть обременительным для других.

Многие пожилые женщины предпринимают попытки восстановить свою автономность, в том числе через инвестирование и развитие собственного культурного капитала. Например, некоторые наши респондентки обучались на курсах по вождению, иностранных языков, компьютерной и цифровой грамотности.

Как показало наше исследование, изменение практик, приписываемых молодости или старости, способствуют пересмотру возрастной идентичности [9], что позволяет вне зависимости от возраста чувствовать себя “молодой” или “старой”. В процессе взросления и старения субъекты включаются в “работу” над субъектностью: в “молодой взрослости” — это борьба за достижение автономности, во “взрослой молодости” — сохранение и продление молодости, в старости — борьба за сохранение субъектности. На протяжении всей жизни происходят изменения в восприятии себя и своего возраста, субъект постоянно осуществляет “работу” над своей возрастной идентичностью.

Литература

1. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. Т. 182.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. Т. 387. С. 1.
3. Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. №. 5.
4. Вульф Н. Миф о красоте: Стереотипы против женщин. М.: Альпина Паблишер, 2013.
5. Крупец Я., Нартова Н. “Худой значит нормальный”: управление телом в среде городской молодежи // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. №. 4.
6. Куштанина В.А. Выход на пенсию как момент пересмотра идентичности // Мир России. 2008. Т. 17. №. 4. С. 152.
7. Соколинская Е.В., Дворянчиков Н.В. Гендерные аспекты качества жизни у лиц пожилого и старческого возраста // Психология зрелости и старения. 2006. №. 1.
8. Arnett J.J. Young people’s conceptions of the transition to adulthood // Youth & Society. 1997. Т. 29. №. 1. P. 3–23.
9. Biggs S. Age, gender, narratives, and masquerades // Journal of Aging Studies. 2004. Т. 18. №. 1. P. 45–58.
10. Featherstone M., Hepworth M. The Mask of Aging and the Postmodern Life Course. London: Sage, 1991.
11. Giddens A. Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age. Stanford University Press, 1991.
12. Hogan D.P., Astone N.M. The transition to adulthood // Annual review of sociology. 1986. P. 109–130.
13. Kohli M. The institutionalization of the life course: Looking back to look ahead // Research in Human Development. 2007. Т. 4. №. 3–4. P. 253–271.
14. Twigg J. The body, gender, and age: Feminist insights in social gerontology // Journal of aging studies. 2004. Т. 18. №. 1. P. 59–73.

О. Со́йту
Конструирование
возраста
хронологически
молодыми
и пожилыми
женщинами